

Вырезка из газеты

БАКУ
(вечерний выпуск)

Баку

Древность глазами современности

Сцена из «Электры».

МЫ МНОГО читали и слышали об античном театре, о великих драматургах древности, о шедеврах трагического и комического репертуара, в которых ярко отразились сложные противоречия, печаль и радость рабовладельческого общества. Мы знаем также, какое огромное влияние оказал античный и прежде всего древнегреческий театр на последующее развитие театральной культуры народов мира.

Нас трогают любовь и уважение, с которыми относились граждане древней Греции к театру, к профессии драматурга и актера. Даже в эпоху Шекспира, в пору большого расцвета сценического искусства, деятели театра, особенно актеры, не только не пользовались почетом, а составляли самый низший ранг в обществе, тогда как греческий актер был самым уважаемым и почитаемым гражданином полиса и пользовался большими привилегиями, отражаемыми особыми законами.

Но театр есть театр. Книжки и рассказы не могут давать о нем того представления, которое он сам создает о себе в процессе представления. Театр есть живое общение сцены и зала, актера и зрителя, и без этого общения трудно почувствовать обворожительную силу сценического искусства.

Как ни хороши спектакли современных театров, обращающихся к античному репертуару, все равно им не хватает того естественного аромата, который был столь характерен для древних представлений. В начале 20-х годов советские зрители с восторгом смотрели «Лисистрату» Аристофана, с блеском поставленную Немировичем-Данченко в музыкальной студии. (Кстати, этот спектакль видели многие из бакинцев во время гастролей студии в 1927 году).

Совсем недавно грузинский театр имени Руставели с большим успехом поставил «Царя Эдипа», стремясь максимально ближе стать к театру древности в элементах постановки. Наконец, года два тому назад мне довелось видеть «Медею», Эврипида. Воссоздавая древнегреческий сюжет, Охлопков использовал очень многое из того, что было характерно для древнего театра — хор, маски, колесницу и музыку (спектакль сопровождался музыкой Танеева из оперы «Орестея»).

Но все это не может заполнить пустоту, которую образовало время, далеко отодвинув от нас античный театр во всем его своеобразии.

И с какой радостью мы узнали, что в 1957 году в греческом городе Пирее создан специальный театр греческой трагедии, который, хотя и не ограничивает себя античным репертуаром, но поставил своей главной задачей сохранение характера и своеобразия древних трагедийных представлений, широко пользуясь, разумеется, своим правом современного театра смотреть на древность глазами сегодняшнего дня.

Благо, этот театр, которым руководит талантливый режиссер Дмитриос Рондирис, не заезживает в Пирее, а разъезжает по Греции и другим странам мира.

Прошлой зимой, как раз в конце января, будучи в Москве, я к своей радости прочел на стендах концертного зала имени Чайковского сообщение о предстоящих спектаклях Пирейского театра.

Конечно, в первый же вечер я очутился на представлении.

Игралась «Электра» Софокла. Признаться, я не помнил уже пьесы, прочитанной лет 25 тому назад, но беглого знакомства с либретто оказалось достаточно, чтобы следить за действием, не испытывая нужды в переводе.

Все было понятно не только потому, что ясна была фабула, но и потому, а может быть, главным образом потому, что со сцены неслась подлинная человеческая правда, актеры, в особенности исполнительница заглавной роли Аспасия Паланатоссиу — одна из великих трагических актрис современности, убеждала искренностью своих поступков и чувств, хотя выразительные средства, которыми она пользовалась, во многом непривычны для зрителя наших дней.

На всем лежит отпечаток далекого, но яркого, сильного, захватывающего — пластический рисунок сценического поведения, и ритм, и темперамент, и чудесный александрийских стих, отличающийся чарующей музыкальностью и чем-то напоминающий наш аруз, и сама специфика сценической

этого сценического построения и московский зал Чайковского с этой точки зрения был очень удобным, ибо его сценическая площадка, выдвинутая в зрительный зал, во многом напоминает оркестр.

Но вот теперь наши гости будут выступать на сцене театра имени Азизбекова, ничем не напоминающего древний оркестр. Сасдовательно, не в этом суть.

Можно говорить и о многих других деталях, отличающих театр Рондириса от древнего театра. Он не пользуется, например, масками, — и зачем, когда спектакль идет в небольшом помещении, и мимику актеров могут наблюдать все. Спектакль играется актерами без котурнов, то есть без специальной обуви на высокой подошве, которой пользовались древние актеры, чтобы выглядеть более рослыми и быть видимыми для зрителей, сидящих в большом отдалении от оркестра.

Отказался Рондирис и от пышных, украшенных разноцветными вышивками костюмов. Я уже не говорю о том, что в спектаклях театра нет колесниц, нет театральных машин, которыми пользовались в древности для «присеживания» богов.

Таким образом, в отношении внешних атрибутов Пирейский театр далеко не копия древнего. Режиссер смело прибегает к определенному «современизации» сценической обстановки и атмосферы. Но еще глубже ощущается современное звучание в самой трактовке трагедий.

Здесь театр больше идет от эврипидовских традиций, нежели от Эсхила и Софокла, ибо именно в театре Эврипида наблюдается наибольшее тяготение к внутреннему миру человека, его душевным переживаниям, страстям, чувствам и мыслям. Хотя театр Эврипида снизил героическое звучание трагедии, но зато свел к чему-то формальному мифическую сущность разыгрываемых на сцене событий, а следовательно, и участие богов в драматическом действии.

Пирейский театр — это театр подлинно человеческих страстей и чувств. Мифология, являвшаяся арсеналом и почвой античного искусства, для него существенной роли не играет.

Перед нами реальные люди с их печалью и радостью, с их глубокими внутренними переживаниями. И мастера театра блестяще раскрывают свое дарование, именно благодаря истинно гуманистической сущности древнегреческой трагедии при всей ее патетичности и возвышенности.

Итак, нам, бакинцам, предложена реальная возможность знакомиться с театром, во многом древнем по характеру, но выразительным средствам, но глубоко современным по построению, по идейному звучанию, по гуманистической направленности. Я уверен, что нас ждет большая радость, истинно эстетическое наслаждение, какое может доставлять подлинное искусство, каким были и остаются древняя греческая трагедия и демократический, народный по своей природе, античный театр.

Поблагодарим заранее наших дорогих гостей, руководителей и мастеров Пирейского театра, за то, что привезли нам свое замечательное искусство.

А. Д. ЖАФАРОВ.

В роли Медеи — АСПАСИЯ ПАЛАНАТОССИУ.

обстановки, чудесный хор — голос совести и истины народной, — эти и многие другие атрибуты спектакля, в том числе интересная музыка, предвещающая и сопровождающая действие, передавали великолепный аромат древней трагедии, древнего театра.

Но было бы глубоким заблуждением думать, что Пирейский театр — это театр архаики, музейного копизма. Нет и нет! Это современный театр, который глубоко сознает, что где музейность, там кончается искусство, что традиция — это вовсе не повторение, а новое, более глубокое видение и прочтение, что бесплодно искусство, в котором нет звучания современности.

Если говорить о признаках внешних, то у Пирейского театра отсутствует многое из того, что было у античного театра. Как известно, древнегреческий театр представлял собой соединение трех частей: амфитеатром расположенного зрительного «зала» (на открытом воздухе), громадного по размерам оркестра, то есть круглой площадки, где развешивалось действие; и сцены, — строения позади оркестра, где сооружалась декорация (или просто здание) дворца или храма, перед которым обычно происходили события трагедии.

Пирейский театр воссоздает для своих спектаклей подобие

А3

В3

Баку